

СВЯТОЙ
РАВНОАПОСТОЛЬНЫЙ

НИКОЛАЙ

ЯПОНСКИЙ

**Святой равноапостольный
Николай Японский**

«Благовест»

2014

Святой равноапостольный Николай Японский / «Благовест», 2014

Данный агиографический сборник посвящен личности и наследию святителя Николая Японского. Он включает в себя жизнеописание святителя Николая, выборку поучений из различных его творений, рассказ о почитании святителя и воспоминания о нем. Приводится краткая история Православной Церкви в Японии. Кроме того, в сборнике содержится четыре приложения. Издание рассчитано на широкий круг православных читателей.

, 2014

© Благовест, 2014

Содержание

Предисловие	6
Жизнеописание	8
Детство и юность	9
Призвание	10
На пути в страну восходящего солнца	12
Первые шаги в Японии	13
Начало проповеди	15
Духовная миссия	17
Начало Японской Церкви	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Святой равноапостольный Николай Японский Составитель Анна Маркова

*Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви (ИС
13-318-2424)*

Предисловие

Святитель Николай Японский прославлен Церковью в равноапостольном чине. Всего святых, прославленных в лике равноапостольных, около тринадцати человек. Это связано с тем, что подвиг апостольства весьма труден.

Таким образом, Церковь поставила его в один ряд с великими просветителями прошлого, такими как: святые Кирилл и Мефодий, святая Нина, святой Климент Охридский и некоторые другие. И действительно, своей жизнью и трудами святой Николай уподобился названному святым. Как и святая Нина, он оставил родину и отправился проповедовать Христа в далекую языческую страну. Подобно святым Кириллу и Мефодию, он перевел богослужебные книги и Священное Писание для богослужения на японский язык. Также как и святой Климент, он стал Предстоятелем Церкви, устроенной его трудами.

Жизненный путь святого Николая Японского был определен Божиим призванием – он, один из лучших студентов Санкт-Петербургской Духовной Академии, имевший большие карьерные перспективы, почувствовал призыв Божий, и, оставив все, принял монашество и отправился в далекую страну. Япония встретила его и православную проповедь враждебно. Но святой Николай не опустил рук – он начал изучать японский язык, историю и культуру японского народа, так что через несколько лет перед ним открылась перспектива научной деятельности в Европе. Но он, даже не приняв этого всерьез, предпочел начать проповедь Православия в стране, где еще не были отменены антихристианские законы. Проповедь святого имела колоссальный успех – за несколько лет православная община в Японии достигла нескольких тысяч человек – следствием этого стало учреждение Русской Духовной Миссии в Японии. Трудом святого Николая Японская Церковь разрасталась и крепла. Именно в этот период были заложены основы православного духовного образования в Японии, равно как и соборное начало Японской Церкви. Но растущая Церковь нуждалась в Предстоятеле – и святой Николай, по воле Божией, принял и этот крест. Отныне все его силы, все движения его души, все помыслы принадлежали Японской Церкви. Для своей паствы он был не только начальствующим, но и любящим духовным отцом. Даже в тяжелейшее время Русско-японской войны он не оставил свою паству – его подвиг внушил уважение даже язычникам, скептически воспринимавшим все русское. Кончина святого Николая стала своеобразным торжеством Православия на японской земле.

Впоследствии таким же торжеством Православия стало его прославление в советской России. Оно состоялось тогда, когда советская власть жестко контролировала Русскую Православную Церковь, когда ни о каких канонизациях и речи быть не могло. Но благодаря международному масштабу личности святого Николая Японского советская власть разрешила канонизацию.

Равноапостольный Николай Японский являет нам образец миссионера-подвижника, всего себя отдавшего проповеди Православия. По словам Святейшего Патриарха Кирилла святой Николай Японский явил в своей жизни силу и красоту Евангелия. И именно это стало залогом его успеха.

Данная книга содержит жизнеописание святителя, историю его почитания, воспоминания о нем, поучения из творений святого, историю Японской Православной Церкви, молитвы подвижнику. Кроме того, в книге помещен ряд приложений: похвалы святителю Николаю, статут ордена и медали во имя святого равноапостольного Николая Японского, Слово Святейшего Патриарха Кирилла в честь святителя и рассказ о храмах во имя равноапостольного Николая Японского.

Жизнеописание

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ

Детство и юность

Будущего равноапостольного просветителя Японии, архиепископа Николая, в миру звали Иваном Касаткиным. Он родился в деревне Береза Смоленской губернии (в настоящее время этот почти запустевший населенный пункт входит в состав Тверской области и, соответственно, Тверской епархии). Родители Ивана Касаткина – Дмитрий Иванович и Ксения Алексеевна – принадлежали к духовному сословию. Отец его служил в местной церкви дьяконом. В семье его был еще один сын.

О детстве будущего святого известно очень мало. Лишь то, что семья Касаткиных была очень бедной, и мальчик рано лишился матери – ему было тогда около четырех лет.

Несмотря на большую нужду, овдовевший отец заботился об образовании сыновей – достигнув положенного возраста, они были устроены в Бельское Духовное училище. По окончании училища, Иван, как один из лучших учеников, поступил в Смоленскую Духовную семинарию.

В семинарии Иван Касаткин также был одним из лучших учеников. В 1856 году, блестяще окончив курс, он был за казенный счет отправлен в Санкт-Петербургскую Духовную Академию.

Студента Касаткина отличали выдающиеся способности. Предполагалось, что окончив курс, он останется при Академии и займется преподавательской и научной деятельностью. Сам он тогда еще не строил далеко идущих планов и не задумывался ни о каком конкретном церковном служении.

Во время учебы в Академии Ивану Касаткину попала книга «Записки капитана Головина о приключениях его в плену у японцев». Эта книга произвела на него сильное впечатление – Касаткин впервые задумался о возможности когда-либо самому увидеть загадочную Японию, но в то время Япония была еще закрытой страной, куда практически не допускались иностранцы.

Однако Промысел Божий призвал Ивана Дмитриевича Касаткина к церковному служению в Японии и просвещению этой страны светом Православия. Призванию Ивана Касаткина к миссионерскому служению в Японии предшествовала череда грандиозных событий.

Призвание

В 1855 году был заключен договор между Японией и Россией, вскоре было открыто русское консульство в японском порту Хакодате. В 1858 году консулом был назначен Иосиф Александрович Гошкевич. Он прибыл в Японию вместе с семьей и сотрудниками консульства, среди которых был и священник отец Василий Махов. Стараниями Гошкевича и отца Василия была устроена церковь при консульстве. Однако, отец Василий недолго пробыл в Японии – он был человеком слабого здоровья и уже в 1860 году вернулся в Россию. Тогда Гошкевич направил в Синод прошение прислать в Японию священника с высшим духовным образованием, который мог бы быть одновременно и настоятелем консульской церкви и миссионером.

Святой Николай (Иван Касаткин) в молодости. Фотография приводится по изданию «История Японской Православной Церкви» Кафедрального Собора Воскресения Христова, Токио

Как ответ на прошение Гошкевича в Санкт-Петербургской Духовной Академии было вывешено объявление, предлагавшее кому-либо из выпускников отправиться в Японию в должности настоятеля посольской церкви.

Поначалу это объявление показалось Ивану Касаткину занятым и не более того. Куда более жаркий отклик оно нашло у его друзей, Михаила Горчакова и Николая Благоразумова – они одними из первых записались в число желающих, каковых набралось около двенадцати человек. Однако, все они собирались пополнить ряды белого духовенства и принять сан уже после вступления в брак.

Ивана Касаткина в этом списке не было – он не считал себя вправе оставить старого отца и младшего брата. По академической традиции он пошел ко всенощной. И вот, во время богослужения он вдруг почувствовал призыв Божий, решив, что должен ехать в Японию. Сразу же по окончании богослужения Иван Касаткин отправился к ректору академии, епископу Нектарию, и заявил ему о своем желании ехать в Японию, но не женатым священником, а монахом. Это решило вопрос о служении в Японии, поскольку традиционно в делах духовной миссии монахи имели предпочтение перед женатыми священниками.

Епископ Нектарий доложил митрополиту Исидору и Святейшему Синоду о том, что среди выпускников Академии нашелся тот, кто готов ехать в Японию в монашеском чине. Решение о постриге и рукоположении Ивана Касаткина было принято в кратчайшие сроки.

Практически сразу по окончании Академии, 21 июня 1860 года Иван Касаткин был пострижен в монахи с именем Николай. Епископ Нектарий, постригавший его в монахи, сказал в напутственной речи: «Не в монастыре ты должен совершить течение подвижнической жизни. Тебе должно оставить самую Родину, идти на служение Господу в страну далекую и неверную. С крестом подвижника ты должен взять посох странника, вместе с подвигом монашества тебе предлежат труды апостольские». [1, с. 10–11]

29 июня в день святых первоверховных апостолов Петра и Павла он был рукоположен во иеродиакона, а на следующий день, когда праздновался Собор двенадцати апостолов – во иеромонаха. Все это произошло так стремительно, что родные отца Николая просто не смогли приехать, дабы присутствовать на его постриге и посвящении.

После священнической хиротонии иеромонах Николай ненадолго отправился на родину, дабы проститься с отцом и братом. Всего лишь три дня провел он в своей семье. Затем, простившись с родными, отец Николай на долгие годы отправился в Японию. Несмотря на вынужденное расставание, святой заботился об отце до самой его смерти, ежемесячно отсылая ему часть жалованья. В благословение отец Николай взял с собой Смоленскую икону Божией Матери, которую хранил всю жизнь.

На пути в страну восходящего солнца

Дорога в Японию была долгой и трудной. В то время по всей России еще не было железнодорожного сообщения, так что до отдаленных уголков приходилось добираться на лошадях. Выехав в середине лета, отец Николай добрался до Николаевска-на-Амуре лишь поздней осенью, причем впоследствии он вспоминал, что едва не погиб на Амуре, так как лошади заплутали в ненастье.

В Николаевске-на-Амуре иеромонаху Николаю пришлось задержаться, поскольку навигация уже закончилась. Но и это время не прошло даром. Там он познакомился с архиепископом Камчатским Иннокентием (Вениаминовым) – легендарным миссионером, который по должности своей был его епархиальным архиереем. Владыка Иннокентий сразу же узрел в молодом иеромонахе и родственную душу, и человека с похожей судьбой. Так же как и отец Николай, владыка Иннокентий – тогда еще Иван Вениаминов – окончил семинарию одним из лучших. Но, будучи обременен семьей, он не смог продолжить образование. Однако, несколько лет спустя, уже будучи диаконом, он, также как и Иван Касаткин, почувствовал призыв Божий и отправился на Аляску проповедовать Православие коренным жителям Северной Америки. Там он провел более пятнадцати лет. Миссионерская деятельность отца Иоанна Вениаминова в Русской Америке была успешной – благодаря ему тысячи местных жителей приняли Православие. Для новообращенных христиан он строил храмы и школы при них. Кроме того он заботился не только о духовном, но и о телесном здоровье своей паствы – благодаря его нравственному влиянию алеуты и индейцы соглашались на прививки оспы, что остановило массовые эпидемии на Аляске. Впоследствии, приняв монашество с именем Иннокентия и будучи поставленным архиепископом Камчатским, он много потрудился на Камчатке, в Якутии, на Курилах и Чукотке.

Владыка Иннокентий очень внимательно отнесся к своему молодому коллеге, посоветовав ему начать изучение японского языка еще до приезда в Японию. Кроме того святитель Иннокентий позаботился и о материальных нуждах отца Николая. Видя его убогую рясу и понимая, что молодому человеку не на что купить новую, владыка Иннокентий купил хороший бархат, из которого и была сшита новая ряса для отца Николая. Владыка подарил ему и свой наперсный бронзовый крест, полученный за участие в Крымской кампании.

Отец Николай провел в Николаевске-на-Амуре около полугода – зиму и весну, изучая японский и китайский языки. Также общение с владыкой Иннокентием само по себе было школой миссионерства.

С открытием навигации в конце мая отец Николай стал собираться в Японию. Туда он, как будущий представитель Российского посольства, отправился на военном корабле. Впоследствии он вспоминал о своем путешествии: «Когда я ехал туда, я много мечтал о своей Японии. Она рисовалась в моем воображении как невеста, поджидающая моего прихода с букетом в руках. Вот пронесется в ее тьме весть о Христе, и все обновится... Тогда я был молод и не лишен воображения, которое рисовало мне толпы отовсюду стекающих слушателей, а затем и последователей слова Божия, раз это последнее раздастся Японской стране». [1, с. 11] 14 июня 1861 года иеромонах Николай прибыл в японский порт Хакодате, где располагалось русское консульство.

Первые шаги в Японии

Реальность оказалась совсем не тем, что представлял в своих мечтах отец Николай. Из-за двухсотлетней изоляции и активной антихристианской пропаганды японцы относились к иностранцам, а особенно к христианским проповедникам, с большой подозрительностью. Вот как писал об этом впоследствии сам святой Николай: «Каково же было мое разочарование, когда я по прибытии в Японию встретил совершенно противоположное тому, о чем мечтал! Тогдашние японцы смотрели на иностранцев как на зверей, а на христианство – как на злодейскую секту, к которой могут принадлежать только отъявленные злодеи и чародеи» [19]. Иногда отец Николай сталкивался и с откровенными проявлениями злобы и ненависти – на улицах Хакодата его оскорбляли, иногда могли кинуть чем-нибудь вслед. Поначалу у него не складывались отношения даже с консулом Гошкевичем, ожидавшим увидеть в выпускнике Духовной Академии православного иезуита с вкрадчивыми манерами. Лишь со временем Гошкевич смог по достоинству оценить прямоту и открытость молодого иеромонаха, его академические знания, талант блестящего собеседника.

Однако, отец Николай не впал в уныние от трудностей и не оправдавшихся ожиданий. Напротив он с удвоенной энергией начал изучать японский язык и культуру. Он ежедневно брал уроки японского языка. Как только отец Николай начал понимать разговорную речь, он, помимо обычных уроков и чтения книг по-японски, стал выходить в город для закрепления пройденного материала. Он стал посещать местные частные школы, школы фехтовальщиков и даже буддийские и синтоистские храмы, дабы лучше усвоить и разговорную речь и специальную терминологию.

Вот как вспоминал об этом времени один из жителей Хакодата Янагита Токичи – руководитель одной из частных школ: «Пришел как-то, в нашу школу проживавший в то время в Хакодате русский проповедник Николай. Ничего не говоря, зашел в класс и стал внимательно слушать, как ведется преподавание. С этого дня он стал появляться в школе ежедневно и слушал лекции наравне с другими воспитанниками. Посещение русским проповедником нашей школы породило в публике толки, что школа Янагита, якобы, занимается преподаванием христианских догматов, и я немедленно приказал директору школы Сузуки отказать проповеднику Николаю в посещении ее. Однако Сузуки доложил мне после, что проповедник Николай не подчинился распоряжению и продолжает без стеснения посещать занятия. Я был возмущен.

Случайно встретившись с англичанином Брайкстоном /один из преподавателей/, я посоветовался с ним, как мне поступить с Николаем. На это англичанин ответил: «Вот пустяки, вызовите его к себе и категорически заявите ему, чтобы он прекратил хождение в школу, а если он не послушает, то вытолкайте его в шею». Пойти на такую грубость я не решился, а решил повидать Николая и лично запретить ему посещение школы.

На следующий день, когда он показался в школе, я остановил его и заявил, что его посещения причиняют мне очень много неприятностей и что я требую прекратить это. Проповедник Николай возразил мне с улыбкой: «К чему такие строгости? Отказаться от посещения училища я не могу». Тогда я заявил: «Вот что, это дом мой, и я требую, чтобы Вы больше здесь не появлялись, в противном случае я вынужден буду применить против Вас силу». – «Ну, что же, если Вам доставит нравственное удовольствие побить меня, тогда бейте, пожалуйста, скорее; от посещения же этой школы я все-таки никогда не откажусь», – улыбаясь, сказал Николай.

При виде такой твердой решимости Николая я начал было уже сожалеть, что сразу же не расправился с ним, как советовал мне Брайкстон. Но так как теперь момент был уже упущен, то я решил воздействовать на Николая миролюбивым путем. Я объяснил ему, что его посещение нашей школы вводит многих в заблуждение; публика смотрит на нашу школу, как на место, где ведется проповедь христианства, и что все это мне страшно неприятно. Николай

спокойно выслушал это и, указав на соседний пустырь, спросил меня: «Какого Вы мнения об этом участке?»

Должен заметить, что рядом с нашей школой жил некий Сиратори, занимавшийся приготовлением мисо. Пустырь был обнесен поломанным забором и, очевидно, никогда не убирался, т. к. был до крайности запущен; он являл собою полный контраст саду нашей школы, содержавшемуся в идеальной чистоте. Склад для мисо скорее был какой-то сарай, а не склад. На вопрос Николая я ответил, что участок действительно грязен. «Да, поистине, грязен», – сказал Николай.

«Всякому из нас тяжело смотреть, когда рядом с его чистым садом находится грязный, запущенный сад соседа. Некоторые берут на себя смелость и труд привести такой сад в чистый вид. Если Вы уразумели смысл моих слов, то Вы поймете, что нет никакого вреда в том, что я прихожу в Вашу школу и знакомлюсь с преподаванием в ней, тем более, что с моей стороны не было никаких попыток проповедовать в ней свою религию. Кроме этой школы, я посещаю также и буддийскую школу при храме секты «Синсиу» и ежедневно слушаю там проповеди, и во всех случаях, когда у меня возникают сомнения, я не стесняюсь спрашивать. В этом и состоит все мое занятие. Пусть там говорят, что хотят, но это так. Вы не должны бранить меня за то, что я посещаю Вашу школу»...

Используя все возможные средства воздействия на Николая, я, в конце концов, обратился к Брайкстону с просьбой написать мне на листе бумаги по-английски следующую фразу: «Русскому священнику вход воспрещается».

Эту надпись на следующий день я наклеил на школьные ворота.

Однако и эта мера оказалась бесполезной: Николай, придя в тот же день в школу и заметив надпись на воротах, сорвал ее, сунул себе в карман и как ни в чем не бывало вошел в школу. На следующий день он пришел опять, и так продолжалось долгое время. Мы с Брайкстоном были так поражены этой настойчивостью Николая, что больше уже не пытались запрещать ему посещение школы». [10]

Несмотря на внешние невозмутимость и добродушие, самого отца Николая одолевали многообразные искушения. Он неоднократно сомневался: правильным ли был его выбор, не ошибся ли он, приняв монашество и оставив Родину.

Но со временем усердие отца Николая дало свои плоды – за семь лет он не только изучил в совершенстве японский язык, но и стал одним из лучших знатоков японской истории и культуры. Теперь он был готов приступить к проповеди Православия в Японии.

Начало проповеди

Господь предоставил отцу Николаю случай для начала проповеди – случай, в котором он смог проявить лучшие свои качества монаха и миссионера.

Консульство регулярно посещал Такума Савабе; он давал уроки фехтования сыну консула Гошкевича. Сам Такума Савабе был очень колоритной и неординарной личностью – по рождению он принадлежал к самурайскому клану Тоса. Воспитанный в лучших самурайских традициях, Такума был фанатичным националистом, убежденным в том, что всех иностранцев и их пособников нужно уничтожить. Такума – превосходный фехтовальщик, мысли его не расходились с действиями. Все это привело молодого самурая в тайную самурайскую организацию, на счету которой был ряд убийств. После того как тайная организация попала в поле зрения властей, Такуме пришлось бежать в Хакодате. Здесь он женился на дочери местного синтоистского жреца Савабе и принял его фамилию. Вскоре старый жрец умер, и его должность в синтоистском храме занял зять.

По общему мнению, жизнь Такумы Савабе в Хакодате была прекрасна и безмятежна. Как жрец древнейшего в городе синтоистского храма он пользовался огромным уважением и получал от своей деятельности хороший доход. У него была прекрасная любящая жена и маленький сын. Кроме того он был известен, как великолепный фехтовальщик и имел множество учеников. Но непокой в душе не давал жрецу наслаждаться жизненным успехом – идеалы его юности требовали уничтожения всех иностранцев, в особенности же проповедников христианства.

Наибольшую ненависть вызывал у него священник консульской церкви отец Николай. Когда они встречались в доме Гошкевича, Савабе всегда с ненавистью смотрел на отца Николая. А однажды Савабе пришел в консульство, желая затеять ссору с христианским священником. Вот как описывает эту сцену сам святой: «Пришедши, он грубо начал: «Вы, варвары, приезжаете высматривать нашу страну; особенно такие, как ты, вредны; твоя вера злая». – «А вы знаете мою веру, что так отзываетесь о ней?», – спросил я. – «Ясно, не знаю». – «А не зная вещи, поносить ее разумно ли?» Это несколько остановило его, но он с прежней грубостью произнес: «Так что же за вера твоя? Говори». – «Изволь слушать». И стал говорить о Боге Едином, о Боге Творце вселенной, Боге Искупителе. По мере того, как я говорил, лицо моего слушателя прояснялось и он, не переставая внимательно слушать, одной рукой достал из-за пояса тушницу, другой – из рукава бумагу и стал записывать мою речь. Через час или полтора он был совсем не тот человек, который пришел. «Это совсем не то, что я думал», – сказал он, когда я окончил говорить. «Поговорите еще», – попросил он уже ласково. «Приходите», – пригласил я». [19]

С этого времени Такума Савабе ежедневно навещал отца Николая, дабы послушать что-либо новое о Православии. Через неделю он готов был уже принять крещение. Его не останавливало даже то, что придется оставить доходное место жреца, и, возможно, отправиться в тюрьму, так как обращение японцев в христианство было тогда запрещено законодательно. Отцу Николаю приходилось сдерживать горячий порыв новообращенного, уговаривая его подождать до того времени, когда он больше узнает и утвердится в вере.

Со своей стороны Такума Савабе прилагал все усилия, чтобы лучше узнать о христианстве. Отец Николай дал ему Евангелие, напечатанное в Китае и тайно ввезенное в Японию, но нужно было соблюдать осторожность – в то время в Японии даже своим домашним было опасно открывать такую тайну. Савабе нашел следующий выход: «Открыто читать эту книгу / Евангелие/ я не мог, а читать хотелось. Вот я и выдумал читать ее в то время, когда совершал службы в своем мия /то есть в языческом храме/. Положишь, бывало, перед собой Евангелие вместо языческого служебника, да и читаешь, постукивая в обычный барабан. Никто и не думал, что я читаю иностранную «ересь»». [28]

Несмотря на всю опасность своего положения – за обращение в христианство полагалась смертная казнь, Такума не мог молчать; он рассказал о своей вере другу врачу

Ацунори Сакаи, увлеченному конфуцианством. Поначалу Ацунори только смеялся над новой верой, которую он считал варварской. Тогда Такума Савабе предложил ему пойти послушать христианского священника – отца Николая. Сакаи согласился и вскоре он также стал ревностным слушателем и почитателем русского миссионера. Через некоторое время к ним присоединился третий друг, еще один врач – Урано.

Все они уговаривали отца Николая крестить их, несмотря на официальный запрет. И вот в апреле 1868 года – три года спустя после начала проповеди – отец Николай крестил трех друзей. Крещение было тайным – оно было совершено в русском консульстве в комнате отца Николая. В крещении Савабе получил имя Павел, Сакаи – Иоанн и Урано – Иаков. После крещения все они ради сохранения тайны решили на время уехать из Хакодата.

Но, несмотря даже на меры предосторожности, Павел Савабе все таки был арестован и заключен в тюрьму. Лишь наступление эпохи Мэйдзи спасло его от казни. Тем не менее, на долю этого ревностного христианина выпало множество испытаний – его жена, узнав об обращении мужа, повредила в рассудке и подожгла дом, а сын подросток, дабы прокормить себя и мать, вынужден был стать жрецом вместо отца.

Духовная миссия

Время, получившее название «эпоха Мэйдзи», было необычно и непривычно для Японии. Незадолго до этого на трон вступил новый император – юный Муцухи-то (Мэйдзи), и покачнулась казавшаяся незыблемой власть сёгуна – правителя Японии. Существующим положением в стране были недовольны все – от знати до простолюдинов. Павшая десятилетие назад самоизоляция Японии дала права иностранцам, но оставила японцев под гнетом старых традиций. В результате часть аристократии начала добиваться упразднения сёгуната и возвращение всей полноты власти императору, который мог бы провозгласить начало реформ. Это движение пользовалось большой поддержкой населения. И все же страна оказалась расколота на два лагеря, что привело к гражданской войне, получившей название «войны Босин». В результате этой войны сёгун отрекся от власти, молодой император провозгласил эпоху Мэйдзи – «просвещенного правления», и при поддержке знати и народа начал всесторонние реформы.

Перемены не могли не отразиться на судьбе отца Николая и его духовных чад – новообращенных японцев. Отныне они могли не скрывать свою веру, равно как и отец Николай получил возможность для открытой проповеди. Так что очень скоро число его слушателей увеличилось – его духовные чада приводили к нему своих знакомых – молодых самураев, которые были обескуражены крушением привычного строя и искали, где обрести смысл жизни. Постепенно к их кружку присоединялись новые слушатели. И вот несколько времени спустя японцы – Савабе и Сакаи – стали сами проводить катехизаторские беседы, отдавая все свое время проповеди христианства. Не прошло и года как отец Николай крестил еще нескольких японцев. Из Хакодата проповедь распространилась в Сендай, где временно обосновался Савабе. Однако два самых активных катехизатора, Савабе и Сакаи, остались практически без средств к существованию и отец Николай считал своим долгом поддержать их, но его собственных средств на помощь катехизаторам было недостаточно.

Тогда он решил отправиться в Россию, дабы хлопотать там об открытии Русской Духовной Миссии. Вот как писал об этом сам святой: «Все более и более увеличивалось число принимающих святое крещение и стала предвидеться возможность систематического распространения христианской веры в Японии. С этой именно целью, для получения на это официальных полномочий, я отправился на время в Россию и, получив там на это разрешение и благословение у Святейшего Синода, опять возвратился в Японию». [28]

Действительно, в конце 1869 года отец Николай, испросив отпуск, отправляется в Россию дабы ходатайствовать перед Святейшим Синодом о разрешении открыть в Японии Русскую Духовную Миссию. До Санкт-Петербурга он добрался лишь весной следующего года. Святейший Синод, уже подготовленный письмами отца Николая к своим наставникам – владыкам Иннокентию и Исидору, отнесся к прошению благосклонно. О нем сразу же было доложено императору.

6 апреля 1870 года Александр II высочайше утвердил определение Святейшего Синода об учреждении в Японии Русской Духовной Миссии в составе начальника миссии, трех иеромонахов-миссионеров и причетника. Половину намечаемых расходов брало на себя казначейство, другая половина была отнесена за счет типографского капитала духовного ведомства. Всего духовной миссии ассигновалось 6000 рублей в год и 10000 рублей единовременно. Миссионерские центры располагались в Токио, Киото, Нагасаки и Хакодате. Начальником миссии был назначен иеромонах Николай с возведением в сан архимандрита. Миссия подчинялась ведению Камчатского епископа. Обязанности миссионеров были изложены в «Инструкции для миссии», представленной иеромонахом Николаем и утвержденной Синодом.

Начало Японской Церкви

Архимандрит Николай вернулся в Японию в марте 1871 года. Его встретила небольшая христианская община и несколько человек, подготовленных к крещению в его отсутствие. Вот как рассказывал об этом впоследствии сам святой Николай: «Когда я снова прибыл в Хакодат, то нашел, что ревностный Савабе уже образовал у себя маленькую церковь: у него собралось из Сендая несколько молодых хорошо образованных «сизоку» (дворян); то были: ныне еще здравствующие о. Матфей Качета, о. Петр Сасачава, уже скончавшийся о. Яков Такая, о. Иоанн Оно, только что отшедший в другой мир Павел Цуда и некоторые другие; всех я нашел уже довольно наученными в вере и в душе христианами. Кто же им указал путь из Сендая в Хакодатэ и кто обратил их в христианство, если не Сам Господь таинственным действием Своей благодати?» [19]

Начальный этап жизни Японской Церкви напоминал собой жизнь первой апостольской общины, даже недоразумения, возникавшие между христианами, были полны веры и любви, в качестве примера можно привести рассказ самого отца Николая: «По моем приезде скоро меня навещил г-н Савабе и, между прочим, сообщил мне о странном, во время моего отсутствия из Японии, поведении г-на Сакая, который проводил все время в заботах о возможно большей вырубке денег из своих занятий, тогда как остальные христиане старались, напротив, всем делиться со своими братьями. Услышав об этом, я хотел было обличить г-на Сакая, но с приходом последнего дело тотчас объяснилось. Явившись ко мне, г-н Сакай представил собранные им сто иен (около двухсот рублей), которые пожелал употребить на дела Церкви. Так разъяснилось недоумение г-на Савабе относительно странного, по-видимому, поведения г-на Сакаи.

Другой, подобный по своей видимой странности, случай произошел с г-ном Томи Петром. В одно время все заметили его внезапное исчезновение куда-то. Никто не знал, куда он скрылся... Но вот, спустя 11 дней после этого, однажды вечером, около одиннадцати часов, г-н Петр Томи является ко мне в сопровождении г-на Сакая. Вижу – худ до невероятности, кости сильно выдались на совершенно изменившемся в своем цвете лице; просто жалко было смотреть на него. На мои вопросы, где он был и почему так сильно исхудал, он ответил, что все это время он проводил в воздержании от сна и пищи и в молитве о скорейшем просвещении братьев-язычников тем светом истины, которого он сам недавно сподобился. Услышав обо всем этом, я был очень изумлен столь трогательным проявлением горячей верности по вере. Но все-таки я должен был заметить ему, что такое дело впредь нужно совершать согласно с установлениями Церкви, ибо иначе можно принести сильный вред своему здоровью». [1, с. 29]

Вскоре, в 1872 году отец Николай обрел деятельного помощника – в Хакодат прибыл иеромонах Анатолий (Тихай), кандидат Киевской Духовной Академии. Архимандрит Николай отзывался о нем так: «Лучших помощников я не желал бы!» Благодаря приезду отца Анатолия, архимандрит Николай смог расширить ареал своей проповеди. Он перебирается в Токио, оставив и консульскую церковь, и христианскую общину на отца Анатолия.

В Токио отец Николай поселился в районе Цукидзи. По сравнению с жизнью в консульстве, он оказался в довольно скудных условиях. В Токио отец Николай арендовал небольшую комнату на чердаке. Здесь же и проходили катехизаторские беседы – недостатка в слушателях не было. Напротив, из-за большого количества слушателей беседы приходилось проводить в две смены – утром и вечером.

Помимо непосредственно миссионерской проповеди, отцу Николаю, как начальнику Духовной Миссии, необходимо было позаботиться о многом. В частности, первоочередным делом было строительство православного храма в Токио. Об этом отец Николай неоднократно писал в Россию, и ему удалось заинтересовать этим делом адмирала Евфимия Васильевича

Путятину, неоднократно бывавшего в Японии – он взял на себя сбор средств на строительство храма.

Между тем, из Хакодата пришли тревожные вести – там вновь были арестованы ревностные катехизаторы – Павел Савабе и Иоанн Сакаи. В данном случае преследовались не именно православные, а все христиане. В Сендае и Хакодате было арестовано около 120 человек; кроме того по приказу местного губернатора были уволены все чиновники-христиане. Дабы выручить своих духовных чад, архимандрит Николай обратился к правительственным чиновникам, Ивакуре Томоми и Кидо Такаёси. Просьба отца Николая была принята благосклонно и катехизаторов отпустили.

Однако, в связи с этим остро встал вопрос о том, как быть с теми неопитами в Токио, которых отец Николай подготовил к крещению. В случае крещения и они и сам отец Николай также могли подвергнуться гонениям. Решившись, отец Николай все таки крестил тайно двенадцать человек, которых посчитал наиболее надежными и готовыми к принятию святого крещения. Известие о крещении вышло за рамки христианской общины – отец Николай узнал об этом от знакомого жреца. Оказалось, что когда пришел донос, влиятельные представители местного духовенства из уважения к русскому священнику решили не давать делу хода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.